

Максим Тихомиров

**НИЧТО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

Максим Тихомиров

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

«Автор»

2026

Тихомиров М.

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ / М. Тихомиров — «Автор», 2026

В ближайшем будущем роботы из смысленных помощников человека превратятся в его добрых товарищей. Возможна ли дружба между роботом и ребенком? И на что готовы пойти такие разные существа ради друг друга?

© Тихомиров М., 2026

© Автор, 2026

Максим Тихомиров

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

- Представляешь, папа, у нас в классе новенький!

С этими словами Пашка ворвался в мой кабинет. Постучать он, разумеется, забыл. Оставить реактивный заплечник в прихожей – тоже. Больше всего в этот миг был похож на маленькую лохматую ракету. Ракета ловко уклонилась от столкновения с книжным шкафом, взмыла к самому потолку, заложила крутой вираж вокруг подвесного проектора, резко отгормозилась серией коротких выхлопов из маневровых сопел и плавно приземлилась прямо в кресло для чтения, зажатое между рабочим столом и стереокаминном.

Такой маневр в замкнутом помещении требует не просто стандартных навыков управления заплечником, а, не побоюсь этого слова – настоящего пилотского мастерства. Мастерство я оценил, хотя и не подал вида, что одобряю подобные вольности. Тем более, что у нас в семье давно работает негласный уговор: не беспокоить родителей во время работы, если ситуация не чрезвычайная.

Эта явно таковой не была – выдав главную новость своего дня, Пашка поудобнее расположился в кресле, всем видом давая понять, что может ждать, пока я освобожусь, хоть до морковкина заговенья, но обсудить новость настроен весьма решительно. Кивком подтвердив, что ход его мыслей мне ясен, я вернулся к работе.

В кабинете у меня тесновато от массивной ретромобели, которую я целый месяц после переезда кропотливо печатал на термопринтере из смеси местного песка и синтетической древесной стружки – в который уже раз!

При переезде мы каждый раз оставляем практически все свои вещи новым хозяевам нашего жилья. «Людам нужнее», – каждый раз говорит наша мама, и причин не верить ей ни у кого из нас нет. Путешествовать мы предпочитаем налегке, снова и снова почти с нуля обустроивая семейное гнездышко. Поэтому каждый раз оно получается особенным, непохожим на все предыдущие. Мы не привязываемся к обычным вещам – и только свои книги я каждый раз старательно упаковываю в транспортные контейнеры, обозначенные маркировкой «хрупкое содержимое».

Книги?

Ну да. Именно книги.

По стенам моего кабинета, занимая все пространство от пола до потолка, висят специальные шкафы для самых настоящих бумажных ретрокниг, которые еще только-только входят в моду в этом сезоне. Мои шкафы от нижних полок до самого верха забиты разномастными томами. Когда я успел накопить такое богатство? О, задолго до грянувшего этой весной ретрокнижного бума. Я никогда не был ревнителем моды – не только не гонюсь за ней, но даже просто не слежу за ее веяниями. Совершенно не представляю, что сейчас происходит в капризном мире моды с ее постоянно меняющимися веяниями и актуальными темами.

А вот старые книги мне всегда нравились. Есть что-то завораживающее, что-то чарующее в гипнотическом шелесте страниц, в запахе старой бумаги и типографской краски. Что-то, чего, к сожалению, лишены даже самые лучшие из современных читалок, как бы талантливо они не имитировали текстуру бумаги, какие бы разнообразные шрифты не использовали. Поэтому я раз за разом перевожу свою коллекцию с места на место. Случается это чаще, чем хотелось бы, но тут уж ничего не попишешь – специфика службы. Только после Пашкиного рождения мы переезжаем уже в третий раз, а сколько всего переездов было у нас за всю пятнадцатилетнюю историю нашей семьи, и представить страшно.

Такая уж у нас с Пашкиной мамой работа.

Мы с ней инженеры-строители. Проектно-строительное бюро, в котором мы работаем, разрабатывает всевозможные крупные объекты по всему миру и полностью контролирует потом весь процесс их возведения – как говорится, от котлована до конька крыши. Мы строим огромные промышленные предприятия, агрокомплексы, гидросооружения и даже целые города. Даже в наше время такая работа не делается за короткое время. На возведение подобных объектов часто уходят годы – поэтому, чтобы не разрывать семейных уз постоянными командировками то одного, то другого родителя, а то и нас двоих сразу, время от времени всей нашей семье приходится менять место жительства.

Сам Пашка говорит, что больше всего ему нравилось жить на Дальнем Востоке. Тогда мы работали над двумя объектами сразу – геотермальной и приливной электростанциями. На строительство и отладку каждого из объектов ушло почти пять лет, и это был самый долгий оседлый период в жизни нашей семьи.

По своей натуре мы вовсе не кочевники, хотя в нас, как и во всех евразийцах, течет горячая кровь непоседливых степняков. Дух авантюризма нам не чужд – во время семейных отпусков мы с удовольствием путешествуем по новым местам и даже странам, но больше всего любим возвращаться домой. По духу своему мы скорее домоседы, а не перекаати-поле. Нам, как ни странно, нравится постоянство.

У Пашки есть братья и сестры. По двое каждого. И все по отношению к Пашке – старшие. Пашка самый младший у нас в семье. Пока он был маленьким, с ним, как и положено, все нянчились, в буквальном смысле носили на руках и не давали шагу ступить без присмотра. Но стоило Пашке подрасти до относительной самостоятельности, как он решительнейшим образом пресек подобное к себе отношение.

– Хватит, – сказал Пашка однажды. – Я больше не маленький мальчик. Все буду теперь делать сам.

Было ему тогда едва-едва четыре года.

Сказал – и делает до сих пор. Пашка – человек слова.

Кремень.

Во всяком случае, виртуозно управлять заплечником он выучился сам, без посторонней помощи. По крайней мере, ни один из нас, родителей, к этому причастен не был.

Пашка не очень любит стричься. Вечно ходит с торчащими во все стороны разноцветными космами. Среди третьеклашек в Пашкиной школе это сейчас модно, я выяснял. Но Пашка начал так ходить еще в прошлом году. Волей-неволей задумаешься, а не мой ли сын и стал законодателем этой моды? Потому что, например, мешковатые комбинезоны с миллионом карманов, вроде тех, что носят космодромные техники, стали популярными у малышей нашего двора именно с его легкой руки.

Комбинезон Пашке подарил его дядя, брат Инги, нашей мамы. Роман работает именно техником по обслуживанию орбитальных челноков. Год назад Пашка вместе со своим классом был на экскурсии по столичному космопорту, которую организовал Роман, и был настолько впечатлен увиденным, что вопрос о том, кем наше чадо собирается стать, когда вырастет, на долгое время был снят. Слишком уж очевидным был ответ.

Все горизонтальные поверхности в Пашкиной комнате были заставлены моделями челноков и космодромной техники. Под потолком круглые сутки неторопливо вращалась голограмма ворот стартового коридора, на которой по кругу шел обратный отсчет оставшихся до старта минут. А в школьной планшетке сына наряду с обычными задачками и решебниками по векторному исчислению и физике элементарных частиц поселились взятые в специализированном разделе файлоотеки книги по ремонту оборудования взлетно-посадочных столов и орбитальной механике.

Именно Роман в один из своих приездов подарил Пашке ко дню рождения ту самую космодромную форму. Отыскал на складе комплект самого маленького размера и собственно-ручно ушил по скромным Пашкиным габаритам. Именинник был на седьмом небе от счастья. Залез в нее и снимал теперь только на ночь, да и то не всегда.

До ночи времени было еще полным-полно. Поэтому, пока я заканчивал решение производственной задачи, Пашка развлекал себя тем, что вжикал молниями комбинезона, с треском вскрывал застегнутые на липучку карманы и, как царь Кошей, чах над спрятанными в них сокровищами. Сокровища были самые что ни на есть пацанские: шестеренки от старых часовых механизмов (и где только они сейчас такое находят?), осколки цветного стекла, похожие на дохлых жуков микропроцессоры и неперменные космодесантники из цветного синтепласта со следами солнечных ожогов от увеличительных стекол на броне.

- Так что ты там говорил про новенького? – спросил я, отложив наконец в сторону проектировочный планшет.

- Новенький! У нас в классе! – немедленно повторил Пашка. – С сегодняшнего дня! Мы за одной партией сидим! И он робот!

Мне показалось, что я ослышался. Пришлось переспрашивать.

- Мне слышалось, или ты и правда сказал, что твой новый одноклассник робот?

- Не слышалось, папа. Робот! Самый что ни на есть!

- Ничего не понимаю, – признался я. – А для чего роботу учиться в школе? Роботы, они же... Они любую информацию получают непосредственно из Сети. Усваивают знания мгновенно, и память у них устроена таким образом, что они никогда и ничего не забывают. Разве не так?

- Так, папа! – Глаза у Пашки горели; ему явно не терпелось со мной поделиться чем-то сногшибательным. – Но Венька – не такой робот!

- Венька? У него что, еще и имя есть?

- Конечно, есть! А как может быть иначе?

- Ну, я не знаю. Может, номер заводской, или позывной какой-нибудь.

- Папа! У всех разумных существ есть имена. – Назидательности тона моего младшенького позавидовал бы самый надменный ментор. – И Венька не исключение.

- То есть роботы у нас теперь разумные существа? – скептически приподнял я бровь. Пашка в ответ приподнял обе.

- Всегда были, пап.

- Ну нет! А как же роботы-манипуляторы, промышленные автоматы и всевозможные тому подобные роботизированные станки и конвейерные линии, а?

- Ничего общего. Это автоматизированные промышленные линии. Они выполняют одну и ту же программу, заложенную в них человеком. У них нет ни свободы воли, ни разума.

- А у Веньки твоего, значит, есть? И свобода, и воля, и разум?

- Конечно! Как у нас с тобой. В точности!

- Очень странно. Хорошо, допустим, все это у твоего одноклассника...

- Веньки!

- ...Веньки имеется. Тогда какой же он робот?

- А что тебя смущает?

Эту фразу Пашка подслушал у мамы. Обычно именно она обращается к собеседнику с таким вопросом, видя, что тот в замешательстве от какого-нибудь мамино предложения. И чаще всего этим собеседником оказываюсь я.

- Прежде всего то, что у роботов по определению не может быть полной свободы действия и свободной воли.

- Это почему это? – прищурился Пашка.

- Прежде всего потому, что само их существование жестко подчинено целому набору правил.

- Ты сейчас про знаменитые Три закона, да?

Я уже говорил, что Пашка не только очень неглупый, но еще и очень начитанный ребенок? Если нет, то вот, говорю.

- Именно.

Я не стал уточнять, откуда восьмилетке знать об Айзеке Азимове. Некоторые вещи случаются просто так, сами по себе. Может, они сейчас такое в школе проходят. Как-то не хочется в глазах собственного отпрыска выглядеть окончательно отставшим от жизни.

- Пап!

Закатывать глаза Пашка научился у Маринки, младшей из сестер. Маринка старше Пашки на два года и владеет этим навыком виртуозно. Чемпионаты по закатыванию глаз может выигрывать, я серьезно. Пашке, как он ни старайся, места выше второго в этом виде спорта не видать.

- Ну какие в наше время Три закона, а? Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был нанесен вред? Сейчас такое благоустроенное безопасное время, что никто никому вреда причинить не может, ни по своей воле, ни нечаянно. И роботы тут совершенно ни при чем. Мы и без них прекрасно обходились, и со всем справились.

Пашку явно переполняла гордость за человечество, как будто он сам, вот этими вот маленькими ручками, благоустроивал планету и делал ее такой замечательно безопасной, что никакой Первый закон не был больше нужен.

- И про Второй закон, который про подчинение командам человека, если они не противоречат Первому, и про Третий, насчет заботы робота о своей безопасности, если это не противоречит первым двум – то же самое. Они больше не нужны. Нулевой – нужен. Остальные – нет.

К своему стыду, про Нулевой закон мне известно не было.

- Просвети невежду, – попросил я, вздохнув.

Пашка просиял.

- Он для всех общий! Хотя и придуман был для роботов! Похож на первый, только сперва там в этой самой, в формулировке, во! – вместо «человек» было «человечество». Ну, вроде как сразу ответственность в масштабах всей планеты возрастает. А потом слово «робот» заменили словом «разумный».

- И что получилось?

- Разумный не может причинить вред Человечеству или своим бездействием допустить, чтобы Человечеству был нанесен вред! – звонко процитировал Пашка. – Вот!

- И разумный у нас?..

- Ты, я, мама, Маринка с Ксеньей, Юрик с Кешей, дедушки с бабушками, соседи по домотовни, вообще все обычные люди, а еще люди дополненные, усовершенствованные и космолюды – аврориты, марсианцы, энцеладяне и титаниты, а теперь еще вот роботы! Все! Мы – Человечество.

- Широко мыслишь, – заметил я.

Пашка просиял.

- И по твоему Нулевому закону выходит, что Человечество само себе не может вредить или преступно бездействовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.